

Два настроения слились в поэте: чувство света, радости, песни и чувство хмури, тоски, мятежа. Два полушария земли: Север и Юг. Два крыла Вселенной: день и ночь.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!

И - как бритва:

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!

И - как просьба:

Старый, добрый, заезжий Парнас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином,
Я хочу быть желтым парусом,
В ту страну, куда мы плывем.

Обуреваемая "французскими но отцу, грузинскими по матери генами", Галина Бениславская признается в момент досады и кризиса: "Так любить, так беззаветно и безудержно любить, да разве это бывает? А ведь люблю, и не могу иначе; это сильнее меня, моей жизни. Если бы для него надо было умереть - не колеблясь, а если бы при этом знать, что он хотя бы ласково улыбнется, узнав про меня, - смерть стала бы радостью".

Но, порезавшись о быт, о личные драмы, свои и чужие, удивляется она: "Обозлился за то, что я изменяла? Но разве он не всегда говорил, что это его не касается? Ах, это было все испытание? Занятно! Выбросить с шестого этажа и испытывать, разобьюсь ли! А дурак бы заранее, не испытывая, знал, что разобьюсь. Меня подчинить нельзя. Не таковская! Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь".

Не подчинилась. И Лев Осипович, политкаторжанин, увлек Галю: с ним настоящую суть поняла... И с одним ли Повицким?.. Не подчинилась. Клянясь - изменяла. Приобретая - утрачивала. Оправдываясь - виноватилась. А цветы вспыхивали и гасли. Жизнь вспыхивала и гасла.

А 28 декабря 1925 года - телеграмма: "Москва, Брюсовский, дом Правды, 27, Бениславской МСК Ленинграда 103522 12 16 51 Сообщите Наседкиным Сергей умер - Эрлих". Телеграмма - почему Бениславской?..

И - дневник Бениславской: "Да, Сергунь, все это была смертная тоска, оттого и был такой, оттого и больно мне. И такая же смертная тоска по нем у меня. Все и все ерунда, тому, кто видел его по-настоящему, - никогда не увидеть, никогда не любить. Жизнь однобокая тоже ерунда. И общественность, и все, все есть, когда существо живет, так, по крайней мере, для меня тогда расцветают все мои данные, все во мне заложенное. Малюсенькая "надеждочка" осуществилась, но это непоправимо".

Есенин погиб, а она: "...расцветают все мои данные, все во мне заложенное"... Чужь какая-то. Но нам ли ее осуждать? И осуждать ли?

И - 25 июля 1926 года опять: "Лучше смерть, нежели горестная жизнь или постоянно продолжающаяся болезнь". Ясно? Понятно? "Очень даже просто!" Значит? Ау, уа! Погода во всех состояниях - думаете, и все тот же вывод! Ну, так... гоп, как говорится, а санатория - "это ж ерунда". Ну, отсрочили на месяц, на полтора, а читали, что лучше смерть, нежели. Ну так вот, вот...

Сергей, я тебя не люблю, но жаль. "То до поры, до времени..." (писала пьяная) Б(ениславская).

Чего же еще тебе, читатель, нужно? Разве ты не заметил - больная? Да, больная. Грешная. И если - не кроваво грешная, то слава Богу!.. А каково поэту? Каково Сергею Есенину в логове бандитов, грабителей, инквизиторов, царегубителей и расстрельников, дорвавшихся до власти и никем не контролируемых? Потому и Ленин - не икона. Потому

и:

Войной гражданской горя,
И дымом пламенной "Авроры"
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли "матов"
Взметнулась надпись огневая:
"Совет Рабочих Депутатов".

И потому, перемещаясь приметой в примету, образом в образ, а характером в характер - как оглушительная пощечина в зале, в Большом Кремлевском там или в Белоколонном - Дома союзов, но пощечина по сытому и продажному времени, по револьверным проституткам, чахоточно кашляющим у безвинных могил, по розовым рожам картаворотых палачей, трущихся гладкими обжорными животами на трибунах:

Сыпь, гармоника. Скука. Скука.
Гармонист пальцы льет волной,
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.
Излюбили тебя, измызгали -
Невтерпеж.
Что ты смотришь синими брызгами?
Иль в морду хошь?

Читатель мой, оглянись - поворачивается туда и сюда по стране эта морда, поворачивается и жует. Жует - сдобу, шоколад или колбасу? Жует, неторопливая, тупая, а мы - в разорении, в голоде, в холоде. Кто у руля сегодня?

Вчера отмечали день Сергия Радонежского. А возле Патриарха Алексия II - Ельцин, Попцов, Фридман... А - Гайдар? А - Бурбулис? А - Чубайс?.. Кто они? И что хотят они от нас и от нашей измученной России? Тени Троцкого, Свердлова, Дзержинского и Ягоды, Менжинского и Берии - бессмертны? Бессмертен вождь революции?.. И - не родит Россия. Трава сохнет. Дожди заметеориваются.

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот.

Что-то будет со мной и с тобою. Что-то будет с нами и с Родиной. Теперь мы дорогому Сергею Павловичу Залыгину, старейшему и мудрейшему, нашему как бы деду Мазаю, спасшему нас, зайцев, от "наводнения", по гроб жизни - молимся. Даже "националистическая" "Память" ставит в его здравие свечку, хоть он и забыл: привела на

массовый митинг защищать реки "Память" "националистическая". А национализм, по Залыгину, - потеря, крушение идеи. Но идею - защищать реки дала нам "Память"...

Плыви, дедушка Мазай, со спасенными зайцами по сибирским рекам, плыви и не ругай смутную "Память", ведь смутная "Память" - народ, а среди народа всякие - герои, трусы, страдальцы, хриstopродавцы, труженики, торгоши, бандиты и приспособленцы, всякие... Но не тускнеет исповедь:

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи - не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла..

Есенин - это Коловрат! Только Коловрат - в слове.

Пока существует народ - существует его язык. И разве возможно заменить язык Гоголя языком - эрзацем? Или - заменить эту искренность:

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Целая изба. Целый мир деревенского житья-бытья, мир, где все живет в тысячелетнем взаимном сцеплении и взаимной зависимости! Та же самая искренность, только чуть ожесточенная, проявилась в поэте и тогда, когда он возмутился:

Приемлю все,
Как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,

Но только лиры милой не отдам.
Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.
Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

И - предчувствие: русских, русскую территорию, Россию, как шкуру убитого медведя, разделили-таки. Катастрофа ослабила и уменьшила нас. Поэт предупреждал... Мы - в оккупации телерадио, прессы, ОМОНа, под пятой коррумпированных генералов, изменивших нам и Родине.

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, -
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким "Русь".

Полнейшая свобода выражения чувств - правда поэта. Здесь поэт - высший судия!
Потеряв СССР, мы виновато к России повернулись. К нему, к поэту...

А кто ты? Ты, замахнувшийся на стихи, исчерканные кровью сердца, ты, оскорбивший его родных и друзей, молчаливо пронесших любовь к Есенину, мучимых сплетнями и злобой врагов-завистников, кто ты, взявший у них, наверное, отобравший интервью или воспоминание, которое записал дрожа, чтобы не отказали - на коленях, бездарным языком?

Кто ты? Исайка?.. Или сам Бухарин?.. Кудрявый ты, гололобый ты, черный ты или рыжий, - все равно ты не Есенин, нет, не Есенин. Так не заслоняй же его, не торчи впереди его, отстань, отойди, ты так будешь выглядеть скромнее, человечнее и нужнее!
Не политикань. Не диссидентствуй.

Посмотри вокруг, сколько еще ныне полонено поэтов муками поэтов, бессонницами совести и памяти! Помоги им. Ты ведь - не создатель, помоги... Или ты думаешь, раз тебе

хорошо - значит, всем хорошо?

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Ты бы, поди, побоялся профкома или побоялся того, что тебя обсудит за "двойственность натуры" твой коллектив, или твой благополучный и такой же, как ты, потный и округлый сосед-депутат... А поэт говорит-то кому эту трагедию? Матери.

Что ты можешь сказать о женщине, о тоске по золотому часу любви? Лирику ты подменяешь пафосом, пафос - лозунгом. А ведь - у Есенина-то:

Я сюда приехал не от скуки -
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Она, она, "стройная девушка", зов и надежда, стремление поэта к чистому родниковому уюту семьи:

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну,
Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

Сергей Есенин - весь в слове. Его слово - психологическая, нравственная, национальная боль., Она звенит, соединяя наши чувства с мирами, казалось бы, давно забытыми, где жили, воевали, работали и праздновали наши предки. Эта боль - русский голос. Едина душа у нации. Песня едина у нации.

Сергей Есенин - воюющий поэт! Он стоит на рубежах великой русской культуры. Через его слово не проползет ни один нарушитель, ни один предатель. Трепетным светом он обнажит и покажет их лживое обличье своему народу.

Заслуга Сергея Есенина еще и в том, что он не дает осытеть до черствости, до бессовестной лени "певцам дня", склонным к социальной полноте и одышке... И, пожалуй, после Михаила Юрьевича Лермонтова на нашей земле не было поэта, так пронзительно мыслящего о чести таланта.

Не помню, но кто-то недавно зачитывал у нас, на собрании литераторов, "тезисы" какого-то Инкина или Нинкина: дескать, Сорокин оскорбляет Христа только потому, что Христос - еврей... И далее: Сорокин - шовинист, антисемит, сочувствующий генералам, усмиряющим демонстрации.

Интересно: справка, что ли, есть у Инкина или Нинкина о национальности Христа? Кем она, интересно, заверена? Не Иудой ли?.. Инкин или Нинкин требует меня "судить за уголовное преступление", грозит возмездьем за "передернутую цитату его". Передергивать-то нечего.

Я не передергивал. И ни слова не вписывал. Кто вписал - тот знает, а я не знаю. А с настоящими военными меня роднит уважение к солдату, к армии: я - сугубо гражданский человек. Вот Инкина или Нинкина можно породнить, скажем, с Лейбой Троцким-Бронштейном или Янгелем Свердловым, этими инквизиторами.

Но я не буду Инкина или Нинкина с ними роднить, он лучше, добрее: не требует казни, а требует лишь суда надо мною за свою "изувеченную" цитату. А я за оскорбления в мой адрес не буду требовать мести, пусть спокойно "творит" злобу на моем языке, авось посветлеет, ведь мой русский язык - солнечный, щедрый язык.

И пусть С. Рассадин не гневается на меня в "Огоньке", что я "перепугал" его фразу с фразой Б. Сарнова. Искренне скажу: у них, пишущих на моем языке, а веющих к нам, русским, завистливым недоумением, и слова-то однообразные, сухие, мертвошелушащиеся, как старая кожа, из которой давно выползли ядовитые гады. Да и Хлебников зря врет в "Огоньке". Я ничем перед ним не провинился. Наоборот, когда холодной зимою он бегал по Москве, расклеивая на столбах объявления: "Меняю квартиру в г. Устинове на московскую!" - бегал, расклеивал, а мороз дергал его за нос, аж слезы наворачивались у новосела, я помог ему. Свежим платочком аккуратно вытер ему нос. Дорасклеил с ним объявления. Опять вытер нос, хотя он кокетничал, крутил, оттягивал, и обогрел его, пригласил к себе. В свое время "подтолкнул" к изданию первую книжицу сочинителя. Отблагодарил...

Врет: мол, с "купленным" аттестатом поступил в Литературный институт. Я окончил Высшие литературные курсы в 1965 году. Врет: мол, Ю. Мориц исключал я из института. С Мориц я познакомился лет на десять позднее. Когда она училась в институте, я работал в первом мартене в Челябинске...

Это он, автор болтовни, бегаёт из кандидатов наук в слушатели ВЛК, из слушателей ВЛК-в "Крестьянку", из "Крестьянки" - в "Огонек", из "Огонька" - в судьи... "Аттестат, деньги, справки!.." Где же "сыщик" рылся? В талмудах КПК? И чья эпиграмма на "биографа"?

Есть Велимир Хлебников,
Поэзии император,
А этот, он из нахлебников,
Иуда и провокатор.
Но все же хвала атлантам,
Страдающим слогоманией:
Первый - потряс талантом,
Второй - графоманией!..

Но беда-то моя в том, что я не верю и верить не желаю: огоньковский кандидат наук не станет плевать на того, кто вытер ему свежим платочком мокрый нос и обогрел. Да и "пошибает" он на женатого Карла Маркса. Но вялый. Это - подмена. Настоящая подмена человека - афера. Борода жиже. У Маркса - внушительная.

Веселей нам надо общаться. И судить о людях - по их профессии, по качеству ее исполнения. И меньше врать, жаловаться, недомогать бесталанной завистью и слепотою бездарности. Инкин или Нинкин давит на "Молодую гвардию", на журнал, Хлебников давит, Рассадин давит, Сарнов давит. Надоели. Ничего не хотят читать кроме?

А есть еще А. Минкин. Писатель Николай Кузьмин в "Литературной России" сообщает: "По радио "Свобода" выступал некто Минкин и доказывал, что Гитлер шел на Россию не как захватчик, а как освободитель. Что это? Это же просто сатанизм. Однако сатанизм запланированный. Судят победу России над Гитлером, над фашизмом. Кого-то она страшно раздражает..."

В журнале "Столица" А. Минкин и В. Войнович - руководят. Но они, как Хлебников, не минкины и войновичи, не те, не "забугорные", надеюсь... Хлебников сбежал от Коротича, "опомоив" его.

Я пишу очерк о Сергее Есенине, авСНГ- межнациональная потасовка. Российское братство - заплевали, а российскую помощь равновесию - дай. А какой долбеж по мозгам людей ведут "забугорные голоса"?

Даже диссидентствующий Войнович читает лекции о нецелесообразности компартии в России, вообще - просит, советует, рекомендует, умоляет, приглашает к суду над нами. Какое ему дело до нас? Уехал - живи спокойно. Вернулся, впустили - благодари. Нет: дергается, лезет, навряде того, обожающего тыкаться в корыто... Платят ему золотым долларом сразу, что ли, на пороге закута?

И вдова Андрея Сахарова нас учит, Елена Боннэр, по "забугорным голосам". Покашливая, советовала - какому народу России открыть у себя ЦК, какому закрыть, какому народу выйти из России, какому войти. Клюет по-куриному Солженицына за мысль "Об устройстве России", чуть кое-где соглашается, но тут же взбадривается и дрябло кудахчет.

Ну кто она? Всего - Боннэр... А кудахватила: страну, десятки ее народов учит, правда, учит архаично, но учит, вместо того чтобы пирожки печь и читать Михалкова с внуками и правнуками, не "мозолить" глаза нам за тенью изобретателя ядерной бомбы и хранителя человечности - Сахарова. Да и мысли "Об устройстве России" пока не пригодились.

Сионистская пресса восторгается: Сахаров за критику Елены Боннэр "ущипнул" Н. Н. Яковлева. Гусар. Воспитанный. Аристократ. Тощий и озлобленный, он мог и укусить красивого Н. Н. Яковлева. Мог. Не Н. Н. Яковлеву же давать "отпор" академику, комарино зудевшему на депутатских съездах и сессиях? Не перепутал ли физик Н. Н. Яковлева, скромного, с А. Н. Яковлевым, "жиганистым" корешем Горбачева и Шеварднадзе?..

Боннэр - учит. Минкин - учит. Войнович - учит. И отирающиеся постоянно возле "забугорных" микрофонов Л. Фишер - учит, В. Фрумкин - учит, А. Друкер - учит. Вот похрипывает, покашливает Елена Боннэр, а я мучаюсь: неужели Запад не в силах найти у себя или привезти от нас, из России, помоложе старушечку, поздоровее, менее "простуженную" и раздражительную? Ворчит, ворчит - курево на тумбочке оставила?.. Каприза.

Лишь успеет какой из благородных евреев убежать - высовывается: несет глупость о русских, а русские даже осенью 1942 года евреев больше себя ценили.

"Новая московская "аристократия" спешно покидала город, опустел и Дом правительства у Большого Каменного моста. На всякий случай его минировала специальная команда саперов НКВД.

Ведь сколько ни скребли чекисты квартиры "врагов народа", многое, очень многое мог обнаружить враг в пустых апартаментах серой громады "Дома на набережной". А там жили и потомки Свердлова, и породнившийся с ними через своих детей Подвойский, и Антонов-Овсеенко, и Тухачевский, и многие другие, о ком рассказывают ныне памятные доски на его стенах.

Большая часть таких беженцев получила помощь наркома Кагановича. Сохранилось свидетельство о том, что Лазарь Моисеевич был инициатором негласного строжайшего правительственного распоряжения при угрозе захвата немца ли того или иного района в первую очередь вывозить еврейское население, предоставлять ему при эвакуации все возможные виды транспорта. Не без участия Кагановича образовался известный по горьким анекдотам того периода "второй фронт" в Ташкенте и прилегающих к нему областях".

Это - опубликовал в газете "Патриот" Евгений Евсеев, палачески убитый на автотрассе. Но сионистская пресса молчит. Почему? Мешает палаческое убийство Меня? Но Мень погиб позднее. Пора нам подобреть. Пора относиться к русскому, к еврею, к представителю любой национальности равно заботливо, доверительно и перспективно - с расчетом на завтрашнее согласие.

Священник Мень - еврей, убит. Журналист Евсеев - русский, убит. А мы продолжаем дуться, продолжаем мелочно обижаться - достаточно! Кому надо это? Палачам. И пусть бабушка Боннэр успокоится, передохнет. Пусть "забугорные голоса" передохнут. И мы поумнеем:

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем.

И:

Под окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Пусть Владимир Познер не семенит по-мышинному на экране, не провоцирует: сколько сбежит из России на заработки в заграничье, пять или двадцать миллионов специалистов? Пусть хоть раз он содержательно помолчит. Неужели Познер обаятельнее Нинэль?

Сергей Есенин - поэт великий, а человек - несерьезный: уехал из России и заскучал. И по "забугорным голосам" не выступал. Прозаик Иван Акулов - несерьезный. Мальчишкой воевать отправился. Ранен под Мценском. Романы его резали, резали, а он умер дома. Периферия.

Да и Юрий Бондарев - несерьезный. Фронтовик. Бьют его, а он - терпит. Ему-то бы с наслаждением забугорный микрофон подсунили. Василий Белов, Петр Проскурин - юни: укатили бы!.. Не грызться же!

У гроба Сахарова, при Михаиле Сергеевиче Горбачеве, Боннэр заклинала: "Не делайте из него икону! Не делайте из него русского патриота!.." Далеко зашла. Русский патриот - противно, глупо. Это - Исайка. А как сделаешь из Сахарова русского патриота? В подобных экстремальных случаях казаки говорили: "Никаких возможностей!.."

Тело Сахарова не успело остыть, а в Горький прибыл мировой очеркист Адамович - в черном. День - черный. Дом - черный. Голос звучит - черный. И судьба у академика, папы ядерной Чебурашки, - черная.

Проспект - Сахарова. Город - Сахарова. Премия - Сахарова. Планета - Сахарова.
Быстро, быстро, как Высоцкому - спорт!.. Куда торопятся? Не разоблачат же их,
красно-коричневых русских патриотов?

А дед Мазай проплыл в лодке мимо Раисы Максимовны, мимо нас, зайцев, мимо
президентского совета, на Гималаи выгрести собирается. В Рерихи?.. Сахаров - бурдюк
с кровью: тужурка и очки, и памятник - пистолет, выстрелил - лопнул!..

Никогда, как бы меня ни обижали, не пожалуюсь, никогда! Ведь если бы Яков Свердлов
нас, безвинных, не судил и не расстреливал, не уничтожал, словно нерпье стадо на
океанских побережьях, разве бы он, бурдюк, лопнул, наполненный кровью?!

Я давно говорю откровенно про них. Нас, так прямо говорящих о кровавых карликах, не
много: иные, бородатые, скользят боком, иные, бритые, пятятся, а мне и податься
некуда, проведенному через Голгофу, - только вперед! Друг мой замечает: - Белый ты,
как январский куст!..

Я отвечаю: - А ты?..

А зима скрипит в деревьях снегом, стучит на реках морозом, гудит в пространствах
бурей - кровь русская реет по земному шару, шумит и места себе не находит!..

Поет зима - аукает.
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекою
Седые облака.

-Но страшная метель, страшная буря - впереди. Впереди, как сама Россия - еще
впереди!..

Никакая комиссия по расследованию трагедии царской семьи не нужна. "Наш современник" дал материалы генерала М. К. Дитерихса:

"По мнению комиссии, головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощекиным в Москву Янкелю Свердлову в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте.

По отделении голов для большего удобства сжигания тела разрубались топорами на куски. Тела рубились одетыми. Только таким изуверством над телами можно объяснить находку обожженных костей и драгоценностей со следами порубки, а драгоценные камни - раздробленными. После этого тела обливались керосином, а возможно, и кислотой, и сжигались вместе с одеждой"...

А "Литературная Россия" напечатала отрывок из книги Роберта К. Мэйси "Николай и Александра":

"Троцкий потребовал от Белобородова более подробных сведений и вещественных доказательств смерти Государя. Телеграмма гласила следующее: "Желаю иметь точные сведения о том, понес ли тиран России заслуженную кару".

В ответ на эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находилась голова Государя. Более серьезных вещественных доказательств прислать было невозможно. 27 июля по приказу Ленина были собраны верхи большевистской диктатуры, которым была показана "посылка" из Екатеринбурга. На этом собрании было установлено, что в кожаном чемодане в стеклянном сосуде находится голова Императора Николая II, о чем был составлен протокол за подписью всех присутствующих большевиков: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Дзержинского, Каменева, Калинина, Петерса.

На этом собрании Каменевым был поднят вопрос о том, что делать с головой убитого Императора. Большинство присутствующих были того мнения, что нужно уничтожить эту голову, только Зиновьев и Бухарин предложили сохранить ее в спирте и оставить в

музее в назидание будущим поколениям. Это предложение было отвергнуто, дабы - по выражению Петерса - нежелательные элементы не поклонялись ей, как святыне, и не вносили бы в простые умы смуты".

В Екатеринбурге орудовали револьвером и топором над царской семьей Белобородов (Вайсбарг), Исаак Голощекин, Войков (Вайнер), Юровский, а в Москве продолжали суд над мертвой головой императора Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Бухарин, Дзержинский, Каменев, Калинин, Потере, Крестинский, Радек, Коллонтай, Бонч-Бруевич, Эйдук, Лацис, подпсевдонимные и неподпсевдонимные поножовщики. Интергруппа...

Голова императора уцелела до смерти Ленина. Наткнулись на нее. И спрятали ее, как я уже сообщал, где-то в Кремлевской стене. Использовали документы и бумаги, обнаруженные в сейфе Ильича. По "рекомендации" Сталина и Куйбышева "схоронили". Что же? Бог им грехи скостил, а вождю нет?..

Представим: Сергей Есенин узнал о зверстве, узнал о приказе Ленина? Представим: Есенин мечется, ссорится, опровергает себя, приветствовавшего революцию, посвятившего стихи ее капитану? А рядом с Есениным - сосновские, блюмкины, аграновы, ягоды? Рядом - смерть. А мы - кто? Подопытные.

Где наши храбрые современники, указавшие нам на гробовой сионизм? Где Иванов? Где Бегун? Где Евсеев? Что с Емельяновым? Где Осташвили? Сначала банда сделала из Осташвили драчуна-недоумка, в газетах; а в тюрьме - уничтожила. Повесила.

И - сам ли повесился Есенин? Мы не имеем свидетелей. Мы не имеем "улик" пока, но - пока... Мы к живому к нему обращаемся. Надеюсь, каждый из нас принесет "капельку золотую" в есенинский сад. И без нас - принесут.

Я не могу взять на свою совесть - убили или не убили поэта в "Англетере". Его убили - на

суде, требуя убрать под стражу, Рог, Левит, Липкин, его убили бухаринские "афоризмы", ночные окрики Троцкого-беркута, летящие над расстреливаемой Россией, его убили - лубянки, бутырки, соловки, его убили - гонимые, ищущие на родной земле приюта, его убили - арестованные, колоннами направляемые на каторгу:

И меня ль по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

Да, "Затерялась Русь в Мордве и Чуди, Нипочем ей страх. И идут по той дороге люди. Люди в кандалах. Все они убийцы или воры. Как судил их рок. Полюбил я грустные их взоры С впадинами щек. Я одну мечту, скрывая, нежу. Что я сердцем чист. Но и я кого-нибудь зарежу Под осенний свист".

Так судил их рок... Так и его судил рок. Не правда судила Россию, а рок, навязанный ей палачами. Посмотрите, кто сегодня травит нас? Те же быстроповоротливые сосуны русской крови.

Когда с гор бежит сильный весенний поток, он оставляет глубокий след. По этому следу видно, где потоку что преграждало, мешало в пути: камень, овраг, колода. И по этому следу очень буйно позже растет веселая трава, трепетные цветы, особенно - "кукушкины слезы".

Судьба Сергея Есенина - поток, вокруг этой судьбы и впредь будут расти и удивляться наши дети и внуки. И пусть они благодарно склоняют головы, заметив среди буйных трав пламенные "кукушкины слезы".

Судьба - горный поток. А есть судьба - пень-корневик. Ляжет он, такой разветвленный и многожильный, и лежит поперек потока. Лежит, и ничем ты его не сдвинешь. Толку от него нет и зла большого нет, поскольку вода уже давно под него "подобралась" и утекла. Но он лежит. И ты попробуй убрать его. Сопротивляется. Топорщится. Скрипит. Похожий на паука, цепляется, крутится, корчится. Но, увы, сух и не нужен.

И пролежи он над руслом горного потока четырнадцать лет, прожитые Есениным со дня ухода из дома, ничего все равно не изменится - пень останется пнем.

Четырнадцать лет! Ушел. Объехал многие города и села России, мира. Вернулся. Оставил тома и тома. Нигде ни разу не солгал. Никому не уступил права говорить за себя. Никому. Великий. Русский. Гениальный. В павильоне ВДНХ дрессировщик забавлял детишек, приведенных мамами, - поглазеть на ученого мишку, бурого и косолапого шутника... Мишка прыдал в стороны, приседал на задние лапы, подпывал по сцене футбольный мяч, ловил падающие конфеты и пряники и, ликующий, убегал под занавес.

Перед убеганием кланялся - благодарил аудиторию за аплодисменты и, глотая сласти, внюхивался в зал: редко нынче пахнет мясом, а в зале пахло настоящей, без фарцовки и офасоливания, колбасою, хрустковатой, веющей забытой нами ароматичностью подовой томительности.

На демократических подаяниях и зверю тяжко. Конфеты и пряники, крохи от них, посланные ребятишками, раззадорили весельчака. Он взломал клетку после концерта. И - на дыбы. И - на задних лапах колбасы. На запах законно причитающегося ему настоящего мяса. А мяса нет.

Взъяренный медведь выбег. На тротуаре настиг уборщицу. Из сумки у нее торчал батон колбасы. Сбил, уронил ее, окровавил, изранил - жестокость овладела зверем. Бурый и косматый, с клыками сверкающими - напал на женщину, шедшую с его же концерта с мальчиком. И ее изранил, содрал с головы пук волос вместе с кожей, а мальчика случайно не задел: еще колбасу искал, остервенясь.

Двенадцать раз выстрелил милиционер - уложил на тринадцатом. Медведь - жертва голодной злобы. Дружелюбный плясун - в разбойника выметнулся. А смех ребят обернулся слезами и кровью.

Не копи злобу в себе. Не вини за свое "озверение" соседей. Ищи ошибки в своем народе и не лютуй на чужой. Сергей Есенин - в себе плакал, в себе радовался. Русский, как василек в поле, он врачевательно цвел среди мордвы и евреев, среди персов и грузин.

Злоба острее голода. Зверь грозно слышит ее и покоряется ей. А мы люди. Сколько песен и красоты в нас? Солнце нас греет, а луна нас убаюкивает, и свет, такой синий, синий свет льется до горизонта, а над горизонтом - свеча горит золотая...

Есенин - не Ленин, и незачем из его архива желтые клочки в пузатую энциклопедию склеивать, пятьдесят пять "ильичевских" томов наскребать поэту. Мы на былинных курганах скифов мачты высоковольтные забуровываем, а по голубому васильку партийными чоботами шаркаем. Мусольники, отпрянув от Ленина, отбросным утилем невежества замусориваем Есенина, сами на хламе временно над ним возвышаемся.

А поэт - один. Мраморный бюст, белый - на красном бархате. И - на поляне. Под синими небесами. И - красные кисти рябины к золотой голове свисают. Не толпа, а люди русские, Богом и бедностью просветленные, много их: волнами, волнами к нему и к нему колышутся, теплые и покорные.

А с красного бархата лебедем белым он взлетает. Крылья белые над красной рябиной парят. Чего же еще вам?.. Вот и живу я и старею. А праздник тот рязанский, день тот русский, впереди меня цветет: я к нему, а он дальше и дальше, воздушный и благовестный.

Одряхлею и заветшаю. Не вечно мне молодостью щеголять. Юноша заденет меня на тротуаре - извинится. Девушка в метро на мою седину внимание обратит - пожалеет. Как им знать, что через меня людские волны, теплые и покорные, до сих пор к нему и к нему, колышась, устремляются?..

"Слушай, слушай, -
Бормочет он мне, -
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Прожил в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов".

"Пятилетку - в четыре года!"... "Пятилетку - в три года!"... "Пятилетку - в два года!"...
"Программу - пятьсот дней!"... "Двести дней, а там - стабилизируемся!"... Кровавые фанатики. Ленин перед смертью сетует: "Человеческий матерьял сопротивляется перековке!" Эх...

Не Есенин ли в пригоршнях на Красной площади у Кремля показывал соратникам капитана революции кровавые слезы своего народа? Ведь Пугачев - не Пугачев. И Хлопуша - не Хлопу-ша: мы это, мы, взвинченные и отвергнутые имущими, наказанные - за мнимую провинность, обездоленные - за труд честный, России верные - от России оторваны: Творогов из поэмы не в нас ли перекочевал?

Стойте! Стойте!

Если бы я знал, что вы не трусливы,
То могли бы спастись без труда.

Никому б не открыли наш разговор безъязычные ивы.
Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.

Не пугайтесь!

Не пугайтесь жестокого плана,

Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей,
Я хочу предложить вам

Связать Емельяна

И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Сусанин - наш. И Покрышкин - наш. Генерал армии Варенников - наш. Но и Горбачев - наш. В Израиле он Иуду встретил - Иуда побрезговал. Иуда, предав Христа, уныло перебирал, перебирал в кармане сребреники - унынием окутан, на безгрешной осинке повесился. А Горбачев ту осинку, трепещущую и горькую, купить в Израиле захотел - и перепродать, с "наваром", иудам у нас - для музея иуд, во главе с ним Родиной торганувших...

Горбачев - уже не Иуда, а осьминог с обрубленными щупальцами, осунувшийся и выпученнобелый, он совершает еще манипуляции на экранах и трибунах культами, но манипуляции никого не интересуют: Родина взорвана, как ипатьевский дом, как храм Христа Спасителя, как Россия, СССР взорван лупобельным дьяволом.

"Сын мой! Если ты согрешил, не прилагай более грехов и о прежних молись. Беги от греха, как от лица змея; ибо если подойдешь к нему, он ужалит тебя. Зубы его - зубы львиные, которые умерщвляют души людей. Всякое беззаконие как обоюдоострый меч: ране от него нет исцеления. Устрашения и насилия опустошают богатство: так опустеет и дом высокомерного. Моление из уст нищего - только до ушей его; но суд над ним

поспешно приближается".

Генсек-Иуда и президент-Иуда украл у нас острова и загнал их Америке, в Беринговом море, а остров Даманский, где герои похоронены, китайцам промотал, а у москвичей - квартал вытащил, приватизировал себе и Раисе Максимовне, не ворюга? Но - где покой? За рубежом - вонючими яйцами агентов зашвыривают, а на Родине - заплывают и хоромы урезают постановлениями... Раиса Максимовна, поди, кассиршей согласилась бы работать у отца на железнодорожной станции или в Америку улизнуть, но и на вилле - грех источит...

Война "до конца", "до победы",
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.

Что нашим сыновьям делать в Таджикистане - Ельцина охранять? И когда Горбачев прекратит шамкать на экране и на трибуне? Когда иуды рты сомкнут? Кто мы? И есть ли мы в России?

И пристегивать поэта к рыжему жеребенку, машущему красной гривой, скачущему за поездом и пытающемуся поезд тот обогнать - индустриальный маразм отечественной мысли, лебезение пред мощным локомотивным зверем США, кстати, презирающим лебезение шелкоперов от партсекретарского эзопничества:

...Дорогие мои... Хорошие...
Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?

И:

...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтобы сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Червонцы - рыночные мокрицы. Американский доллар вывозил их в банковской валютной жиже: хватайте!..

Кто около Горбачева отирался? Яковлев, Шеварднадзе, Арбатов, Сахаров, Боннэр, Явлинский, Собчак, Евтушенко, Бунич, Корякин, Коротич, Бурлацкий, Дементьев, Адамович, Черниченко, Шаталин, Заславская.

Кто около Ельцина отирается? Яковлев, Арбатов, Боннэр, Явлинский, Собчак, Бунич, Корякин, Дементьев, Адамович, Черниченко, Шаталин, Заславская.

Шеварднадзе - воюет с Абхазией и Россией. Сахаров умер. Евтушенко в Америке. Коротич в Америке. Бурлацкий в Америке. Эти - задержались у нас. Надолго ли? СССР сокрушили. Россия почти сокрушена. Надолго ли задержались они у нас? Потрясающие времена: предателям - зеленый свет?

Завтра уравновесится Россия - уравновесятся и ее соседи, молодые страны, но задрожат на тронах и закувыркаются с них испеченные на цэрэушной кухне перестройки мелкотравчатые диктаторы-самосы, вчерашние члены Политбюро ЦК КПСС.

В детстве мама предупреждала меня: "Не лазь на рассыпчатую гору. На какой камень ни ступишь - ползет, за какой куст ни схватишься - отрывается, и ты вниз летишь, в пропасть!" Мой родной хутор Ивашла стоял под рассыпчатой горою, как моя судьба - под "рассыпчатой горою" кремлевских изменников.

Да, какое прорабское имя ни возьми - ползет, какую их программу ни схвати - отрывается, и руководство России - "рассыпчатая гора". Но камни мы соберем!

Есть порода гололобых стервятников. Кривоклювые и нахальные, они воруют кур, воруют маленьких ягнят, пададь раздирают и уносят в гнездо: захламывают собственное жилище вонючими шмотками, добытыми разбоем.

Гляньте на Горбачева, бороздит и бороздит небо: то в Германии, то в Японии, то в США, и везде ему - подачи, милостыня, грязные доллары, пахнувшие богатством, пахнувшие

свинцом и развратом, предательством и смертью.

Гололобый и хищный, чернее коршуна, проклятый и приговоренный в России к вечному презрению и вечному позору, он цапает заржавленными жестяными когтями гомонки с иудиным серебром. Цапает и несет их через прерии и моря в украденно-приватизированный квартал в Москве, в собственный бесчестный фонд.

Летит, несет, предатель, сребреники, а великая страна распадается и распадается, им проторгованная и взорванная. Несет, а дым измены захоливает его. Несет, а кровь народа плещет в зенки ему. Несет, а безвинные обелиски и кресты вырастают и вырастают перед нами.

Под обелиск его не положить - переделать. Под крест нельзя - Иуда. И жить ему велено свыше: пусть показнится, пусть понаблюдает слезы, им вызванные, великий черный предатель, великий черный свидетель русской беды. Народы его отторгли, а земля не приняла словоблуда. Синее небо. Черный стервятник. Грустный звон сребреников.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Черный и кривоклювый хищник летит. И дети у него есть. И гнездо у него имеется. Только покоя нет. Нет у него покоя.